

Щит и честь

КУДА УСТАЛАЯ ПОДЛОДКА ИЗ ГЛУБИНЫ ПРИДЕТ?

Вилючинск считается самым благополучным городом на Камчатке, а его администрация — одной из самых крепких. Ухоженность, уют городских кварталов, чистые улицы и дворы, приятные фасады домов, атмосфера спокойствия и уверенности, отмеченная при встречах на «официальном» уровне и просто на улицах, в магазинах и кафе, дошкольных учреждениях, на горнолыжной базе, в местном краеведческом музее, на борту атомного подводного крейсера, — контрастны даже на фоне столичного Петропавловска-Камчатского.

Однако статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), с которым в «высоких» кабинетах привычно связывают благополучие сегодняшнего Вилючинска, можно использовать по-разному. Сидеть сложа руки на шее федерального бюджета, обнищать и обветшать, став пороховой, взрывоопасной бочкой в прямом и социальном смысле, как это случилось с приморским городом Фокино, кормиться разовыми госзаказами, пугать зарубежного соседа атомным стареющим подводным флотом, рассчитывая на его заинтересованность в утилизации плавучего ядерного хлама, как это с переменным успехом делается в другом ЗАТО Приморья — Большом Камне... А можно, оказывается, просто работать.

Да, Вилючинск многим выгодно отличается от других дальневосточных ЗАТО, имеющих единственную градообразующую — либо флот в чисто плавучем виде, либо судоремонтное предприятие. Отличен прежде всего тем, что при объединении под крышей закрытого административного образования трех соседствующих поселков его градообразующая стала комплексной. Перспектива такого решения очевидна, но ею нужно было толково распорядиться, чтобы

в итоге составить из разрозненного, разбросанного по поселкам-микрорайонам взаимозависящее целое, единый организм и заставить его работать в комплексе, с пользой для города, его жителей.

Сегодня Вилючинск — единственный город Камчатской области, а возможно, и Дальнего Востока, который отказался от резкого перехода на федеральные стандарты ЖКХ. Глава города Александр Маркман отстоял на столичном уровне мнение администрации

ЗАТО, доказал, что реформа ЖКХ не может быть одинаковой для всех субъектов Федерации, тем более для таких регионов, как Камчатка, и для таких закрытых образований. И с цифровыми выкладками в руках показал, что уже проведенная на местном, вилючинском уровне реформа, связанная с объединением трех поселков в один город, привела к тому, что, сократив с семи до трех предприятий городскую систему ЖКХ, уменьшив управленческий административный аппарат порядка на 120 человек, практически сохранили прежними цены на коммунальные услуги. Да, они выросли, но не так, как планировалось. Население Вилючинска сегодня платит за услуги втрое меньше суммы, заложенной правительственной реформой. Причем в Вилючинске услуги оказываются в полном объеме.

Одна из главных программных задач, которые сегодня решает администрация ЗАТО, превратить город в сейсмоустойчивый. Карта сейсмичности Вилючинска, легшая на стол главы города семь лет назад, была тревожной. Выяснилось, что город не готов к грядущим атакам подземных сил: жилые дома, административные здания, производственные помещения не выдержат прогнозируемых 7–9-балльных толчков.

Жилой фонд Вилючинска активно укрепляется. По периметру строений в грунт вкалываются сваи-пилоны, которые стягиваются и намертво застегиваются на плоскости крыш надежным замком. Стены домов одеваются в колючугу-рабицу, которую покрывает слой отделочного материала. Конечно, внешний вид здания, приросшего ребрами пилонов, несколько теряет свою привычную прямоугольность. Но его теперь, встряхнув, развалить

будет не так просто. Если – вовсе возможно. По крайней мере, такую гарантию дают авторы проекта, считая, что модернизированный дом выдержит и девятибалльный подземный шторм.

И еще одна немаловажная деталь: проектировали и строили Вилючинск исходя из минусового порога в одиннадцать градусов.

Здесь же зачастую ртутный столбик зимой опускается до минус 20–25. Модернизированный дом становится «элитным» не только по сейсмичности, но и в плане сохранения тепла.

Модернизация одного такого строения обходится в шесть миллионов рублей. Ясное дело, никакой местный бюджет, учитывая

состояние жилого фонда, коммунаций, не знавших ремонта долгие постперестроечные годы, таких затрат не вынесет. Вилючинску помогает его статус ЗАТО, предполагающий финансирование из федерального бюджета. Но Москве нужно было доказать необходимость планируемых расходов, обосновывая каждый рубль требуемых вложений. Пока удалось «защитить» от беды двадцать жилых домов.

– России нужен атомный подводный флот. Действующий, несущий вахту вдали от берегов на северо-восточной границе страны по несколько месяцев. И у этого флота, у каждого подводника должен быть надежный тыл. Тыл – это не только причальная стенка, береговые службы. Тыл – это еще и семья подводника – самая святая Родина моряка, ради спокойствия, благополучия которой он и уходит в дозор, – не устает повторять глава города Александр Маркман.

«ГНЕЗДО» ЧУТЬ БЫЛО НЕ РАЗОРИЛИ.

СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ

«Осиное гнездо» – под таким названием проходит в справочниках НАТО эта база российских атомных подводных ракетных крейсеров. Подводники не в обиде и даже несколько гордятся таким «пого-нялом» – из-за океана пока не рискуют потревожить, разворошить это самое «гнездо». Значит, признают. И уважают. Несмотря на непростые для подводников России последние годы.

Подводники-атомщики, специалисты по береговому обслуживанию такого флота – элита вооруженных сил любого государства. И если пульс «гражданской» составляющей Вилючинска – морс-

Продолжение на стр. 36

Щит и честь

Начало на стр. 34

кого завода, ставшего сегодня государственным унитарным предприятием по ремонту и утилизации кораблей, самого микрорайона Приморского был, что называется, в пределах нормы, то Рыбачий, в котором базировалась эскадра атомных подводных ракетных крейсеров (АПРК), собственно военный городок, его ЖКХ, объекты соцкультбыта дышали на ладан. Более того, в то время прорабатывались варианты перебазирования ударных сил Тихоокеанского флота с Камчатки в Приморье и Хабаровский край. Мотивировалось это тем, что флот уже «не способен поддерживать в надлежащем состоянии военные городки на Камчатке». Каково было знать об этом вилючинцам и главе города? Знать и жить, работать, нести боевые дежурства, уходить в море и возвращаться домой.

... Четверть века назад молодой офицер-подводник Александр Маркман прибыл для несения службы на Камчатку, в Рыбачий. В 1990 году сорокапятилетний капитан 2 ранга, несмотря на рапорт с просьбой разрешить ему продолжить службу на флоте, был уволен «в установленном порядке по возрасту». Дослужившись до стармеха атомной субмарины, оказался на берегу.

В этот сложный, психологически переломный момент тогдашний председатель Вилючинского горисполкома Лев Бойцов предложил ему должность своего заместителя по поселку Рыбачий. Сессия утвердила кандидатуру офицера-подводника единогласно.

— Было трудно, — рассказывает Александр Борисович. — Трудно еще и потому, что Рыбачий никогда не знал «гражданского правления» — его жизнью, бытом всегда командовали военные. Помогало ли то, что я сам подводник, служил и жил в Рыбачьем? В какие-то моменты — да. Но долгих два года пришлось работать и день и ночь, чтобы утвердиться в глазах вчерашних сослуживцев, их семей, поверить в себя, что ты на своем месте и делаешь все правильно, и убедить в этом других.

Уходя на повышение в область, Бойцов о кандидатуре преемника долго не раздумывал. Главой администрации Вилючинска, с приставкой и.о. был назначен Маркман. Несколько месяцев спустя он победил на выборах и стал главой города.

Возглавив администрацию, Маркман пошел на заведомо не популярный у жителей других микрорайонов шаг. Определяя программу развития Вилючинска, приоритеты отдал Рыбачьему.

В зимнем саду муниципального дошкольного образовательного учреждения «Журавушка» упираются в потолок ветви фикусов, щебечут птицы, журчит фонтан

Вилючинцы приносят в местный музей, на стендах которого сплелись история города и современность, наконецники стрел и гарпунов, скребки и ручные рубила, найденные на месте стоянок древних людей. Некоторым находкам несколько тысячелетий

— Когда принимали в состав ЗАТО, ставили на городской баланс поселок Рыбачий, в его домах не было горячей воды, подвалы затоплены, износ котельных превышал сто процентов, подземным коммуникациям почти тридцать лет — как тряхнет (а подземные толчки на Камчатке привычны, как звонок будильника по утрам), половина микрорайона течет, — вспоминает Александр Маркман. — В течение трех лет мы вкладывали в Рыбачий в три раза больше средств, чем в тот же Приморский.

Сегодня базе атомных ракетных подводных крейсеров не стыдно, принимая и высоких гостей, и казенных визитеров, возить их в микрорайон Рыбачий, показывать не только сверкающий воронными палубами-боками ряд ошвартовавшихся у пирса атомных подводных ракетных крейсеров, но и сам военный городок.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Пирс Рыбачьего, куда возвращаются из походов атомные подводные крейсера, — российская Сибирь в миниатюре. На рубках грозных субмарин знакомые названия: «Красноярск», «Томск», «Иркутск», «Омск»... Имена, которые носят подводные крейсера, не просто надпись славянской вязью на рубке атомохода. Нити, связавшие города и корабли, оказались крепче и надежнее иных швартовых. Встречи командиров тесок — городов и кораблей в последние годы стали регулярными и результативными. В Томске, как заверил посетивший Вилючинск и борт атомохода, носящего имя «Томск», губернатор области Виктор Кресс, готовы предоставлять жилье уволенным со службы в запас, а также позаботиться о трудоустройстве, «учитывая наш мощный местный научный комплекс». С 1996 года

действует договор о сотрудничестве, подписанный между экипажем АПРК «Омск» и администрацией областного центра. Ежегодно курорты и санатории области принимают до пяти семей подводников, а уволившимся офицерам и мичманам предоставляют жилье и работу. Три трехкомнатные и одну двухкомнатную квартиры выделили в Омске подводникам. На именные счета кораблей поступают денежные средства, в адрес экипажей идут посылки из сибирских городов-тезок...

В восьмидесятые, да и в начале девяностых тогдашний Вилучинск (еще не ЗАТО, а вполне самостоятельные поселки Приморский, Рыбачий, Сельдевая) был молодым. В Рыбачий прибывали на службу вчерашние курсанты, а ныне — офицеры-подводники, многие с семьями, в Приморский — выпускники гражданских технических вузов, была работа для молодых рук и в поселке Сельдевая. Сейчас Вилучинск стареет. Но и в этом «старении» есть своя особенность, если хотите, исключительность. Не торопится призывать восьмидесятых, отпуская свое государство, на Большую землю. В любом городе России для них приготовлено жилье, гарантирована помощь в трудоустройстве. Без малого две с половиной тысячи военных пенсионеров остались. Впрочем, какой ты пенсионер, если тебе всего-то сорок пять... Стало практикой, когда дети забирают к себе родителей из западных регионов страны. А потому Вилучинск сегодня активно прирастает и... статистически стареет. И переживает настоящий дачный бум.

Перестало лихорадить флот, сделан акцент на привлечение контрактников, и это еще одна статья прироста населения. А они, как правило, люди, нюхнувшие пороха, и уже обзавелись семьями. Зна-

Александр Борисович Маркман (в центре) — подводник во втором поколении: его отец в Великую Отечественную служил на Тихоокеанском флоте. По их стопам пошел и Маркман-младший. Сын главы города Андрей служит старпомом на атомоходе «Вилучинск», на борту которого и сделан этот снимок (слева — заместитель командира дивизии АПРК, капитан 1 ранга Александр Евгеньевич Рыбалко)

чит, потребуется жилье. Оно есть в том же Рыбачьем, где порядка восемнадцати жилых домов пока пустуют по причине невостребованности. За годы повального сокращения Вооруженных сил России Рыбачий обезлюдел больше чем наполовину. Но верится, что при необходимости город найдет в себе силы и средства вдохнуть жизнь и в эти дома. Ведь нашли же способ, как реанимировать Дом офицеров флота. Красивое здание в центре Рыбачьего в настоящее время пустует, но готовится приютить в своих стенах Государственный академический корякский ансамбль танца «Мэнго».

Известный за рубежом, в стране, он переживает сегодня, впрочем, как и вся Камчатка, трудные времена — нет денег на его содержание, на оплату гастролей. Маркмана, как депутата областного совета, возможная потеря ансамбля задела и... вдохновила. Но не ради красивых раскосых глаз и зажигательных самобытных танцев предоставят артистам и площадку ДОФа, и жилье в военном городке... Выгода ожидается обоюдная, и закреплена в договоре — мы вам условия, вы же раздуваете в очаге культуры Рыбачьего еще теплящиеся огоньки. А что касается лица ансамбля, то ведь оно определя-

ется не местом жительства, а содержанием.

Сегодня, как это ни грустно признавать, эскадра, базирующаяся на Камчатке, — единственное действующее соединение атомных подводных ракетных крейсеров ВМФ России на Тихом океане, откуда в боевые дежурства, сменяя друг друга, регулярно уходят в море субмарины. Накануне нашего приезда в Рыбачьем встречали очередной АПРК, вернувшийся из похода. Встречали традиционно — с цветами, оркестром и жареным поросенком. Только на этот раз глава города был в отъезде, и от имени администрации поздравлял подводников с возвращением домой его заместитель Вячеслав Олейник — сам, кстати, тоже из подводников.

...Памятная стела на въезде, а сразу за ней шлагбаум и пропускной пункт в закрытый город Вилучинск — ракетно-ядерный подводный щит России на Тихом океане. Там служат, работают и живут наши земляки, для которых слова «щит» и «честь» вновь наполняются истинным, неразделимым смыслом. И вовсе не случайно глава города даже благодарственное письмо детишкам из горнолыжной ДЮСШ, в очередной раз уверенно защитившим спортивную честь Вилучинска, по установившейся флотской привычке, старомодно, но верно подписал: «Честь имею, А. Маркман».

Лев СТУКУН,
Игорь КРАСИКОВ (фото),
специальные корреспонденты
«ДФО»

Известен Вилучинск и современной горнолыжной базой с трассой международного класса, на которой, увы, по причине закрытости города демонстрируют и шлифуют свое мастерство пока только местные — воспитанники ДЮСШ и взрослые любители слалома

Спрос рождает предложение... Город подводников — не исключение из правил